

ПЕРВОЕ знакомство с текстами Платонова вызывает шок. Шокирует то, что принято считать его фирменным знаком — невообразимый, неопиcуемый платоновский стиль. Язык прозы, переполненный канцеляризмами и виртуозно косноязычный, часто не отличающийся от речей самых придурковатых персонажей, создает невероятную атмосферу «платоновщины» и может взбесить неподготовленного читателя.

Даже «отец народов» как-то высказался о стиле Платонова: «Это не русский язык, а какой-то тарабарский!»

А ведь начинал Платонов как поэт, чьи стихи выглядят четкими, прозрачными и удивительно ясными. Но от этого пути он нарочито увернулся, будто почувствовав, что для выражения безумия, навалившегося на Россию XX века, нужен другой, адекватный этому сумасшествию язык.

Подражать Платонову невозможно, разве что пародировать. Он просто «вещь в себе», стоящая особняком во всей подсоветской литературе. Его считают и правым, и левым, и «уль-

тракрасным», и скрыто «белым», а он выворачивается и как-то безусильно уходит от любого однозначного анализа.

Есть некая тайна в самозашифрованности Платонова, вынужденного большую часть жизни изображать верного сторонника социализма, на самом деле глубоко и прочно в нем разочаровавшись.

Среди мифологизированных персонажей отечественной литературы XX века Андрей Платонов всегда был неким вариантом литмученика, которого, правда, не «шлепнули» напрямую, как Бабеля или Артема Веселого, а постепенно, упорно и целенаправленно травили. В общем и целом это, конечно, так. Хотя есть и нюансы. При всей общей трагичности судьбы Андрея Платонова она отличается от судеб Михаила Булгакова или Евгения Замятина.

Впрочем, впасть и в другую, модную ныне крайность, рисуя Платонова верным сторонником красных идей, тоже не стоит. Он никогда не был «кристально белым», но и стопроцентным коммунистом, несмотря на период настоящего революционаристского помешательства в период Гражданской войны, тоже не являлся. Несмотря на пребывание в РКП(б) с августа 1920-го по октябрь 1921-го.

Реальная судьба Платонова сопротивляется привычным штампам, возникающим в сознании, едва речь заходит о жизни русского писателя в XX веке.

Набор этих штампов заложил еще Максим Горький, упорно конструируя свой имидж «писателя-самородка и выходца из народа». Казалось бы, у Андрея Платоновича Климентова (такова настоящая фамилия писателя), сына рабочего-железнодорожника из Воронежа, куда больше шансов соответствовать прокрустову ложу подобной биографии. Тем более что и сам Платонов в различных автобиографических заметках (в первую очередь в полуавтобиографической «Ямской слободе») приложил к этому руку.

Как все складно получается — голодающая семья, полная безысходность и растущий в ней будущий писатель, которому только большевистская революция позволила реализовать свой талант. Реальность же весьма отличалась от предложенной схемы. Во всяком случае отец писателя, действительно простой рабочий Платон Фирсович Климентов, ухитрился содержать

семью, доходившую до десяти человек, только на свое жалованье. Да и все уцелевшие дети Платона Климентова выросли вполне преуспевающими гражданами — писатель Платонов на их фоне выглядит каким-то нищесбродом. (Недаром супруга писателя возмущалась: «У Андрея — один брат известный ученый, другой тоже не бедствует, сестра — врач, состоятельные люди, а ни разу за все эти годы копейки не прислали, Машеньку к себе не пригласили, уж как мы бедствовали!..»)

После окончания церковно-приходской школы Андрей Климентов спокойно учился и окончил мужское четырехклассное училище, что также показывает — семья будущего писателя не слишком бедовала. И первое печатное произведение Андрей Платонов выпустил еще до Октябрьского переворота.

Андрей Платонов. 1925

Другое дело, что революцию Андрей Платонов сначала принял с самым искренним энтузиазмом. Хотя даже в середине 20-х годов, как утверждал хорошо знавший Платонова писатель Виктор Шкловский, тот больше интересовался трудами Розанова, чем сочинениями Маркса или Ленина. Просто в голо-

ве у молодого Андрюши Климентова бушевал ураган того самого утопического эсхатологизма, что гипнотизировал русское образованное общество еще с девятнадцатого века. Дескать, разнесем все старое, и на его обломках как-то сам собой вырастет земной рай. При том, что даже отцы-основатели коммунизма ничего подобного не обещали.

Андрей Платонов (псевдоним он начал использовать еще в самых ранних публикациях) в статьях начала 1920-х выглядит вовсе не серьезным аналитиком, а истерическим проповедником. Недаром один из критиков жестко и ядовито назвал его стиль «семинарским», «высокопарным» и «кликушеским». Как и другой его философский кумир — Николай Федоров, ждавший немислимых чудес от наук, юнец Платонов тоже дожидался чуда. Только не от науки, а от революции: «Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая граней и преград, факел, прожигающий недра тайн, огненный меч борьбы человечества с мраком и встречными слепыми силами».

Понять эту исступленность можно — в конце концов Платонову исполнилось лишь двадцать лет, а любые революционные события пробуждают у людей и не столь молодых необоснованные розовые надежды. (Пусть вспомнит о своих ощущениях каждый, кто пережил, например, «демократическую революцию» 1991 года. И о постигшем его чуть позже разочаровании...) Другое дело, что в этом исступлении Платонов позволял себе выпад, которых, надеюсь, он потом искренне стыдился: «Наступление Врангеля есть последняя судорога мертвеца — русской буржуазии. Последний вздох недодушенной, сипящей гадины... Своих врагов революция не может только временно обессилить, она должна их расстреливать и забывать о них».

Отрезвление пришло быстро — после окончания Гражданской войны, начала голода в Поволжье и введения НЭПа. Писатель сначала разочаровался в партии (позднее он говорил своему другу, поэту Семену Липкину, что вышел в знак протеста против «новой экономической политики»). А затем — и в литературу.

Из писателя Андрея Платонова он сам себя на какое-то время превратил в техника и мелиоратора Андрея Платоновича Платонова.

Несколько лет бывший литератор вполне успешно занимался обводнением и осушением земель в Воронежской губернии и даже начал делать карьеру — в 1926 году был избран членом Центрального комитета профсоюза сельского хозяйства и лесных работ. Но эта линия судьбы у него явно не заладилась — околопартийные интриги оказались не для него, и к тому же бывший часто слишком резким и принципиальным Андрей Платонов у многих вызвал раздражение и неприязнь.

Кстати, ударно занимаясь не своим делом, мелиоратор и профсоюзный деятель Платонов не смог забыть и своего истинного предназначения. Например, работая в Тамбове зимой 1926–1927 годов, он не прекращал писать — здесь им были созданы повести «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы» и «Город Градов». Жизнь подводила его к выбору — либо дальше обводнять и осушать черноземные губернии Руси, либо положитьсь в жизни только на свой литературный дар.

И дар не подвел. Новые публикации вернувшегося в литературу писателя Андрея Платонова (особенно «Епифанские шлюзы») были вполне успешны и высоко оценены критиками. Однако их издания почти сразу же повлекли за собой и иные голоса, уверявшие, что в своих текстах «пролетарский литератор» тонко протаскивает анти-

советчину. Вряд ли это было так. Но сомнения у Платонова уже возникли. И не маленькие.

В повести «Город Градов» Платонов рисовал безжалостные картины всепожирающей и все обесмысливающей советской бюрократии. В 1928-м в совместном с Борисом Пильняком очерке «Че-Че-О» он писал напрямую: «Бюрократизм есть новая социальная болезнь, биологический признак целой самостоятельной породы людей. Он вышел за стены учреждений, он отнимает у нас друзей, он безотчетно скорбен, он сушит женщин и детей». Вместо воображавшегося когда-то всемирного коммунизма, создающего рай на Земле, к мужчине и писателю Андрею Платонову пришло осознание: единственно реальный коммунизм — это лживое чиновное царство, которое и утверди-

лось на одной шестой части суши. В своем самом объемном и одном из главных произведений — романе «Чевенгур», созданном в 1927–1928 годах, Платонов подверг безжалостному осмеянию все свои ранние утопические надежды и юношеский эсхатологизм. Нарисованная им попытка установления коммунизма группкой фанатиков в уездном городке Чевенгуре привела только к массовым убийствам и всеобщему развалу. Платонов никого не обличает и никого не разоблачает, но издевательски-саркастичный стиль, которым написан роман, не оставляет сомнений — к 1928 году писателю было все ясно с «великим экспериментом», затеянным в России. И сколько бы он ни лукавил в письмах к литературным бонзам, делая вид, что имеет в виду нечто другое, а вовсе не критику коммунизма, текст «Чевенгура» опровергал эти шитые белыми нитками оправдания.

Поэтому и опубликованы были в двадцатые годы XX века лишь отдельные отрывки из книги вроде бы стопроцентно надежного «пролетарского писателя» (полный текст романа на родине Платонова был издан лишь в 1988 году). А вскоре на обласканного ранее критиками автора обрушился державный гнев.

Неудовольствие вызвал рассказ Платонова «Усомнившийся Макар». Незамысловатая внешне история про крестьянина, приехавшего в Москву и выразившего умеренные сомнения в том, как развиваются отношения «города и деревни», опубликованная в журнале «Октябрь», спровоцировала болезненную реакцию партийных бонз. Во всяком случае, Александр Фадеев, бывший членом редколлегии журнала, утверждал, что за рассказ ему «поделом попало от Сталина».

Впрочем, это были цветочки. Ягодки созрели, когда на глаза советского вождя попался номер «Красной нови» с «крестьянской хроникой» Платонова «Впрок».

Описание несуразностей «всеобщей коллективизации», да еще и сделанное «платоновским языком» при участии любимых платоновских типажей (вроде неумного правдоискателя Упоева), спровоцировало вождя на следующие пометы на полях: «дурак», «болван», «балаганщик», «пошляк» и в конце концов — «подлец!»

Писателю пришлось каяться, что, впрочем, он сделал совершенно спокойно. Это вынужденное покаяние теперь не задевало ни его души, ни его убеждений.

Почти вся дальнейшая писательская судьба Платонова — попытки выжить во враждебной среде, да еще под пристальным оком властей. В первую очередь самых бдительных среди них — «близкородственных», литературных. После периодических послаблений, когда Платонова вновь начинали печатать, неизбежно наступали заморозки, во время которых приходилось обрабатывать сочинения более преуспевающих коллег. Семья писателя настолько бедствовала, что появилась легенда, будто Платонов был вынужден трудиться дворником в Литинституте.

Жизнь Андрея Платонова в послевоенные годы — это медленное угасание. Ему, тяжело больному, неблагонадежному, сочетавшему в своем позднем творчестве «правильные», берущие за душу рассказы о страшной войне с «обывательскими сплетнями» и «клеветой на советских людей» (товарищи по цеху порой били наотмашь), приходилось заниматься любой возможной подработкой, в том числе и переделкой народных сказок. Впрочем, талант остается талантом — на эти сказки лег невыразимый отсвет платоновского стиля, и некоторые из них (вроде всеми любимого, благодаря мультфильму, «Волшебного кольца») выглядят настоящими шедеврами.

Андрей Платонович Платонов скончался 5 января 1951 года в Москве.